

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.46.5>**ЭКСПРЕССИЯ ИНТЕНСИВНОСТИ КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В РЕЧИ ДИАЛЕКТНОСИТЕЛЯ**

Научная статья

**Тупикова Н.А.<sup>1</sup>, Стародубцева Н.А.<sup>2</sup>, Рассакхатская М.В.<sup>3</sup>\***<sup>1</sup>ORCID : 0000-0002-9217-8441;<sup>2</sup>ORCID : 0000-0003-1480-8230;<sup>3</sup>ORCID : 0000-0001-7771-9628;<sup>1,2,3</sup>Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация

\* Корреспондирующий автор (m.rassakhatskaya[at]volsu.ru)

**Аннотация**

В статье рассмотрена роль семантики интенсивности в речи донских казаков и украинских переселенцев как способа выражения этнокультурной идентификации личности. На базе комплексного междисциплинарного подхода, предполагающего разноаспектный анализ массива фактов с применением диалектологических, функционально-семантических и этнолингвистических методов, разграничены средства реализации интенсивности как компонента коннотативного или основного значения лексем, контекстуального элемента создания экспрессии интеллектуального, эмоционально-чувственного или волевого характера.

На основе принятой системы понятий и терминов обоснованы классификационные принципы интерпретации материала, опосредованно отражающего информацию об отнесенности обозначаемых различий проявления какого-либо признака, свойства, функции к конкретному этносу. Дано описание исследовательской процедуры содержательно-смысловой сегментации фрагмента лексикона диалектоносителей по теме «Дом. Жилище», отражающего традиционную народную культуру в ее материальной составляющей; показано лексическое наполнение микротем, зафиксированных в рассказах русско- и украиноговорящих информантов. Выявлена специфика словоупотреблений при выражении интенсивности в высказываниях, отображающих отдельные звенья домашнего мира и соответствующие им ситуации, которые раскрывают условия обустройства и содержания территории жилища, обстоятельства приобретения дома и владения им, основы организации и использования внутреннего пространства жилища, обстановку и части внутреннего убранства, расположение и назначение надворных построек на территории жилища и др., что является важным в диалектной среде общения для формирования полиэтнического единства носителей донского и украинского говоров Волгоградской области в пунктах их смешанного проживания.

**Ключевые слова:** этнолингвистика, донские говоры, украинские говоры, семантика интенсивности, лексикон диалектоносителей.

**INTENSITY EXPRESSION AS AN OBJECT OF LEXICO-SEMANTIC INTERPRETATION OF ETHNO-CULTURAL PERSONAL IDENTIFICATION IN DIALECT-SPEAKER LANGUAGE**

Research article

**Tupikova N.A.<sup>1</sup>, Starodubtseva N.A.<sup>2</sup>, Rassakhatskaya M.V.<sup>3</sup>\***<sup>1</sup>ORCID : 0000-0002-9217-8441;<sup>2</sup>ORCID : 0000-0003-1480-8230;<sup>3</sup>ORCID : 0000-0001-7771-9628;<sup>1,2,3</sup>Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

\* Corresponding author (m.rassakhatskaya[at]volsu.ru)

**Abstract**

The article examines the role of intensity semantics in the speech of Don Cossacks and Ukrainian migrants as a way of expressing ethno-cultural personal identification. On the basis of a comprehensive interdisciplinary approach, which involves multidimensional analysis of the mass of facts with the use of dialectological, functional-semantic and ethnolinguistic methods, the means of implementing intensity as a component of connotative or basic meaning of lexemes, contextual element of creating expression of intellectual, emotional-sensual or volitional character are distinguished.

On the basis of the adopted system of concepts and terms, the classification principles of interpreting the material that indirectly reflects the information about the relation of the denoted differences in the manifestation of a feature, property, function to a particular ethnic group are substantiated. A description of the research procedure of content and meaning segmentation of a fragment of the dialect speakers' lexicon on the topic "House. Residence", reflecting traditional folk culture in its material component; the lexical content of microthemes recorded in the stories of Russian- and Ukrainian-speaking informants is demonstrated. The specificity of word usage in expressing intensity in the utterances depicting separate parts of the domestic world and corresponding situations, which disclose the conditions of arrangement and maintenance of the territory of the dwelling, the circumstances of acquiring and owning a house, the basics of organization and use of the internal dwelling space, furnishings and parts of the interior decoration, location and purpose of outbuildings on the territory of the dwelling, etc. has been identified, which is important in the dialectal environment of communication for the formation of multi-ethnic unity of the speakers of Don and Ukrainian dialects of Volgograd Oblast in the places of their mixed residence.

**Keywords:** ethnolinguistics, Don dialects, Ukrainian dialects, intensity semantics, vocabulary of dialect speakers.

### Введение

Проблема этнокультурной идентификации личности является одной из наиболее актуальных и обсуждаемых как в современном информационном пространстве в связи с геополитическими изменениями, так и в научном сообществе, интересы которого лежат в области изучения принципов языковой политики, факторов, способствующих контактированию культур и определяющих формирование этноязыкового самосознания. Репрезентация этнической информации чаще всего анализируется на междисциплинарной основе, соединяя интересы этнологов, этнографов, культурологов и языковедов [12], [15], [21], [33]. Усиливается интерес ученых к такого рода исследованиям в направлении культурно-языковой диалектологии, ориентированной на рассмотрение этнокультурного компонента в слове, значение которого опосредованно отражает локально-неповторимое своеобразие жизнедеятельности человека, его самобытный практический опыт и народные традиции [7]. Т. И. Вендина, говоря о необходимости создания диалектологии славянской народной культуры, указывает: «Не случайно в обыденном сознании часто происходит фактическое отождествление языка и народа, поскольку именно язык как этнический идентификатор имеет наибольшее значение» [7, С. 202]. С позиций антропоцентрической парадигмы научного знания в самых разных аспектах в настоящее время ученые решают одну из актуальнейших задач современной диалектологии, названную А. С. Гердом: детальное сопоставление различных славянских диалектов «по отдельным локальным узлам и микроузлам», что дает возможность «наметить тонкие, не лежащие на поверхности междиалектные связи слов и по форме, и главное – по значениям» [9, С. 178-179].

Экспрессия интенсивности, избранная в данном исследовании объектом анализа, по своему категориальному содержанию относится к таким феноменам, функционально-семантический объем которых требует учета не только системно-структурных особенностей используемых средств, но и условий их смыслового наполнения с учетом экстра- и интралингвистических факторов употребления слов в продуцируемом тексте. Потенциал интенсивности, в свою очередь, дает возможность охарактеризовать ее значимость для реализации самых разных, эксплицитных и скрытых, «тонких», смыслов, способствующих этнокультурной идентификации личности в высказывании, расширить исследовательские представления о предмете изучения.

Цель данной работы состоит в обосновании способности языковых средств маркировать передачу этнокультурной информации при выражении значения интенсивности в речи представителей донского казачества и украинского (хохлацкого) населения, смешанно проживающих на территориях бытования донских говоров Волгоградской области.

Актуальность предпринятого исследования определяется необходимостью уточнения процессов, наблюдаемых в диалектном пространстве региона, выявления условий влияния народной речевой культуры на функционирование единого общенародного русского языка.

Южные области России, как известно, характеризуются полиэтничностью, сложившейся в результате переселенческих процессов по причинам хозяйственного, исторического, социально-общественного и личного свойства, характер которой не остается неизменным при усилении миграционного движения масс в поисках работы, лучшей жизни, пропитания, семейного благополучия и т.д. [3], [20], [29]. Диалектная картина Волгоградской области неоднородна. Западную половину области занимают ранние переселенческие говоры – донские, вторичного образования (гомогенные, генетически донские), которые начали формироваться на южнорусской основе в Подонье с XVI–XVII вв., что связано с появлением выходцев из губерний, находившихся вблизи юго-восточных границ старой Руси [14]. На территориях бытования донских говоров отмечены пункты с компактным проживанием украинского населения (потомков переселенцев), миграция которого относится ко времени освоения малозаселенных земель в XVII–XVIII вв. и разработки солевых промыслов. Украинские говоры (хохлацкие, восточноукраинского типа, относительно гомогенны) отличаются разной степенью сохранности, выступают в смешении с элементами русской разговорной стихии, имеют общевосточнославянские корни [34].

Полиэтнический языковой континуум региона обуславливает характер собранного материала, который избран для осуществления данного исследования. Массив фактов фиксирует особенности словоупотребления русско- и украиноговорящих диалектоносителей, хохлов и коренных жителей, преимущественно донских казаков, в том числе членов смешанных русско-украинских семей, среди которых отмечены случаи билингвизма.

### Методы и принципы исследования

В данной работе принят комплексный подход, который заключается в применении диалектологического, функционально-семантического и этнолингвистического методов анализа материала.

Запись речи жителей во время полевых диалектологических экспедиций относится к последним десятилетиям (2009–2022 гг.) и была осуществлена в населенных пунктах Иловлинского, Киквидзенского, Михайловского и Урюпинского районов Волгоградской области. Важным для диалектолога является интервьюирование информантов разных возрастных групп (с привлечением прежде всего носителей наиболее архаичной разновидности говора), проводимое на основе приемов прямого опроса и открытого опросника, а также направленной беседы, поскольку это способствует живому общению и фиксации полных рассказов сельских жителей данной местности, в которых отражаются особенности спонтанной и непринужденной речи, а также индивидуальное словоупотребление.

Применение функционально-семантического анализа дает возможность охарактеризовать лексикон диалектоносителей в его основных сегментах, раскрывающих содержание фрагментов традиционной материальной и духовной культуры народа, и определить языковые средства их репрезентации.

Этнолингвистический метод предполагает соотнесение энциклопедической, этноязыковой, фоновой информации, заключенной в текстах, с лексической наполняемостью исследуемых единиц, интерпретация которых позволяет выявить способы этнокультурной идентификации личности в рассказах информантов.

Основными положениями, определяющими принципы рассмотрения материала, являются следующие:

1) лексикон диалектоносителей в пунктах смешанного проживания русских (донских казаков) и украинцев (переселенцев, их потомков), будучи динамической подсистемой, реализуемой в текстах (речи), включает лексику и фразеологию общенародного национального языка, в том числе элементы традиционных диалектов, разговорного обихода и словотворчества, которые выступают средством этнокультурной характеристики носителей говоров в бытовой сфере общения [32, С. 74];

2) этнокультурная идентификация личности, отражаемая в речи диалектоносителей, может получать лексико-семантическую интерпретацию на основе выражения экспрессии интенсивности при обозначении реалий материальной и духовной народной культуры.

### Обсуждение и результаты

Полный набор признаков разговорной речи (спонтанность, неподготовленность, диалогичность и др.), по справедливому наблюдению ученых, обеспечивает живость общения в диалектной среде и максимальный набор экспрессивных единиц [5], [18, С. 38]. Понятие экспрессивности получило ясную трактовку еще в трудах Е. М. Галкиной-Федорук, что, на наш взгляд, не теряет своей значимости до настоящего времени. «Экспрессивность в речи – это усиление выразительности и изобразительности», – считала ученый и указывала, что экспрессивные средства в языке «служат усилению выразительности и изобразительности как при выражении эмоций, выражении воли, так и при выражении мысли» [8, С. 108]. Такое содержание термина позволяет выделять важную составляющую экспрессивности – *семантику интенсивности*, которая определяется нами как *основа создания экспрессии выразительности речи в любых различиях проявления – количественно-качественных, эмоциональных, ценностных и др. характеристик интеллектуального, чувственного или волевого свойства*.

Категория интенсивности в современных научных исследованиях имеет разноаспектное, хотя подчас и разноречивое, описание, в том числе на диалектном материале [2], [19], [28], [35]. В данной работе реализация семантики интенсивности (в изложенном выше понимании данного термина) рассматривается как способ репрезентации информации, маркирующей в речи диалектоносителей факт этнокультурной идентификации личности при употреблении говорящим лексических средств обозначения лиц, реалий, явлений, процессов и признаков в пространстве традиционной народной культуры.

Лексикон диалектоносителей в пунктах смешанного проживания русских и украинцев Волгоградской области опосредованно отражает, прежде всего, реалии практической жизни людей в сельской местности. Приемы содержательно-смысловой сегментации массива фактов дают возможность выделить в рассказах информантов ключевые темы, отображающие те или иные фрагменты материальной культуры, разграничить микротемы как семантико-смысловые блоки, заключающие информацию об отдельных звеньях предметного мира в названной тематической области; детализировать ситуации и их отдельные компоненты, определяющие обстоятельства, отношения, обстановку, условия, положение и т.д. кого-, чего-л.

Особое место в окружающей в жизни индивида занимает дом как средоточие личного пространства человека, противопоставленного внешнему миру, как «символ семейного благополучия и богатства, локус многих календарных и семейных обрядов» [22, С. 116]. Лексика в рамках данной темы хорошо изучена в работах по диалектологии: рассматриваются отдельные группы номинаций жилых построек [1], [16], дается описание средств обозначения жилого пространства, частей дома, элементов построек и их назначения [4], [11], [13], раскрывается специфика семантической организации языковых единиц, используемых для характеристики «правил» обустройства и использования традиционного жилища с учетом «привязки» к этносу [10], [31], анализируются отдельные особенности наименований дома, функционирующих в народных говорах на территориях смешанного проживания русских и украинцев разных областей России (потомков выходцев из Малороссии) [17] и др.

Обобщение научных точек зрения и классификационных принципов интерпретации материала в работах исследователей, а также анализ массива фактов в процессе содержательно-смысловой сегментации лексикона носителей донских и украинских говоров Волгоградской области, предпринятый в данном исследовании, позволяет выделить лексику, объединенную темой «Дом. Жилище» и рассмотреть ее этнокультурную значимость при вербализации микротем и ситуаций в тексте (речи). Описание семантико-смысловых блоков, заключающих информацию об отдельных звеньях предметного мира и соответствующих им реалиях, дает основание разграничить зафиксированные в рассказах информантов микротемы: «территория жилища и ее части», «собственно дом/жилище, его тип», «внешние элементы дома/жилища», «домашнее пространство, внутренние части жилища», «внутреннее убранство дома/жилища», «надворные постройки, их функциональное назначение», «ограждение дома/территории жилища».

Фрагменты, в которых отражается микротема «территория жилища и ее части», включают лексические единицы, чаще с конкретными значениями, в структуре которых имеются семы, указывающие на количественно-качественные параметры проявления базового признака – размера, величины, количества, объема, временного или пространственного измерения, например: *горбдчик*, в донских говорах – «*небольшой огороженный садик перед домом, палисадник*» [24, С. 118]; *развести (сад)* – «заняться выращиванием чего-л., добываясь роста, размножения» [27, С. 592] и др. Сема интенсивности является составной частью коннотации слова [5, С. 456]. Характерным для лексики в речи диалектоносителей является экспликация интенсивности не только с помощью диалектизмов, но и средств русского литературного языка. Это могут быть словообразовательные средства, чаще суффиксы, передающие уменьшительность признака. Например, и в донских, и в украинских (хохлацких) говорах: *базок* – «огороженное место для скота и птицы» [24, С. 30]; используются префиксы, которые выражают интенсификацию по признакам величины, заполненности пространства, например, русское разговорное слово *растравиваться* – «усиленно строясь, увеличиться, занять больше места» [27, С. 668]. Отмечено использование атрибутивных сочетаний, где семантика прилагательных называет признак чего-л., например, величину: *хороший (огород)* – в значении «большой», свойство, например, качественную ценность: *захудалый (двір, укр., т.е. «усадебя»)* – «незначительный, плохой» [25, С. 592], [6,

С. 525]. Средства выражения интенсивности употребляются информантами – носителями донских и украинских (хохлацких) говоров при описании ситуаций «обустройство территории жилища», «содержание территории жилища» и др.

Лексика микротемы «собственно дом/жилище, его тип» разнообразна в рассказах информантов, которые часто дают подробные описания типов жилых построек. Экспрессия интенсивности представлена употреблением единиц, значения которых указывают на степень проявления некоторого базового признака – размер, количество, качественную ценность чего-л.: **курень**, в донских говорах – «большой добротный казачий дом» [24, С. 285], **землянка** – «небольшой дом из самана и глины» [24, С. 208], **мазанка** – «вид небольшого (обычно не более двух комнат) жилого дома, стены которого обмазаны глиной» [24, С. 308], **хата**, в донских говорах – «казачий дом, обычно небольшой, в одну-две комнаты» [24, С. 624-625], **хата**, в укр. языке – «сільский одноповерховий житловий будинок» [30, С. 917]. Сема интенсивности реализуется с помощью аффиксов, свойственных разговорной речи: **домик**, **домок**, **хаточка/хатёнка** (русск. и укр.), **флигелёк** (уменьш. к **флигель**) – «жилой казачий дом прямоугольной формы с двускатной крышей, состоящий обычно из двух (реже – трех) комнат» [24, С. 621]. Признаки «размер», «объем», «мера» эксплицируются определительными, сравнительными, количественными распространителями, которыми обозначается интенсификация: **хата побольше**, **хата/хаточка/хатка маленька (маленькая)**, **большой/небольшой дом**, **дом хороший** (в значении «большой»), **дом чуть побольше**, **домик маленький на две комнатки**, **дом по четыре комнаты** и др.

Стремление к детализации повествования в речи диалектоносителей приводит к употреблению цепочек слов, в значении которых представлена (в эксплицированном виде или имплицитно) градация степени проявления признака, свойства. Примерами такого словоупотребления могут служить рассказы жителей с использованием рядов наименований, которые раскрывают различные количественно-качественные характеристики строений: «**землянка – двухэтажный дом – пятистенки**», где **пятистенки**, в донских говорах – «жилой дом с пятью капитальными стенами» [24, С. 496]; «**саманка – хатёнка – поместье**», где представлена диалектная и общеупотребительная лексика, отмеченная в речи и донских казаков, и украинских переселенцев. Приведенные ряды зафиксированы в лексиконе донских казаков, где сопоставляются казачьи строения: **хатёнка**, уменьш. к **хата** – «казачий дом, обычно небольшой, в одну-две комнаты» [24, С. 625], **саманка** – «небольшой жилой дом из самана» [24, с. 527], **поместье** – «место, на котором находится дом с хозяйственными постройками, огород, сад; усадьба» [24, с. 452]: *Вырыли землянку и стали жить в этой землянке...Ну, семья растет. Ну, почему они открыли свой кирпичный завод, наделили кирпича. Слепили двухэтажный дом, сорок душ развелось в семье: пять сынов, у сынов сыны, и внуки, и правнуки, все женаты, все живут и живут. ...Ну, а после этого двухэтажного все начали отделять, все понемногу, хорошие дома строили. Но тогда называли пятистенки (х. Казаринский); А уж потом из этой саманки отец купил там хатёнку, где вот сейчас наше поместье (х. Калачевский) (здесь и далее при цитировании контекстов фонетическая транскрипция не используется, звук «г» в донских и украинских говорах фрикативный). В речи информантов наблюдается выражение интенсивности при употреблении слов и выражений с отвлеченной семантикой, когда квантитативность становится основным значением лексической единицы. Так, общеупотребительное наречие **капитально** может обозначать степень прочности как свойство, обеспечивающее крепкость строения [26, С. 29, 650]: *Моего деда, вот этого с двухэтажного, отделили <...> построили хороший дом, все там было капитально (х. Казаринский)*. Экспрессия интенсивности в рассмотренной микротеме выступает при моделировании ситуаций «строительство дома/жилища определенного типа», «владение домом/жилищем» «приобретение/утрата жилища», «проживание в доме/ жилище» и др.*

В текстах, где зафиксирована микротема «внешние элементы дома/жилища», семантика интенсивности представлена в случаях употребления лексических единиц, которые служат для обозначения элементов, открывающих дом и обеспечивающих его связь с внешним миром: **окошки**, **ставни**, **ворота**, **калитка**. Ее использование отмечено в сочетаниях с определениями-прилагательными: **ставни небольшие**, **калитка маленькая**, **ворота большие**. Особенностью речи диалектоносителей (русско- и украиноговорящих) является стремление дать наглядное представление о внешних отличиях элементов жилища по какому-л. признаку с помощью приемов сопоставления, противопоставления и др. Это зафиксировано в ситуациях «изготовление элементов дома/жилища», «ремонт элементов дома/жилища».

Микротема «домашнее пространство, внутренние части жилища» подробно раскрывается в рассказах донских казаков и представителей хохлацкого населения. Выражение интенсивности сопутствует как характеристике организующего центра дома, так и другим его элементам. Печь (очаг) – «символ духовного и материального единства живущих в доме родственников, источник жизни» [22, С. 117]. Эта часть жилища образует так называемое женское пространство (левая сторона дома у русских), ключевое значение которого постоянно в разных ситуациях подчеркивается в речи диалектоносителей: *Дедушка начал лепить кухонку, делал, а мы с Варварой Максимовной, со свекровью, стали быстрее делать печку (раб. пос. Иловля), Русская печь была..., там есть готовили на целый день. Натопить – и целый день так борщ там, картошку – всё было горячее до самого вечера (х. Дьяконовский), Печь выручала. Вот как бронхит начнет, кашляешь, ляжешь на эти кирпичи, прогреешься хорошо – и все, кашель проходил (пос. Реконструкция).*

В домашнем быту донских казаков и украинских переселенцев важную роль играет также **грубка**, **пригрубок** [24, С. 123, С. 473] – небольшая печь, служащая для обогрева помещений и других хозяйственных нужд. И казаки, и хохлы в рассказах семантизировали слово **грубка** через указание на то, что это небольшая печка, которая использовалась вечером для поддержания тепла в доме (в укр. **грубка** – уменьшит. к **груба**). Лексемы **грубка**, **пригрубок**, во-первых, эксплицитно выражают интенсивность компонентом значения, указывающим на величину этой части домашнего пространства – меньшую в противоположность русской печи (печки), которая занимала большее место и отличалась высотой: [Русская] *печка очень высокая – мы никогда на нее не залазили (с. Большая Ивановка)*; во-вторых, они

используются в контекстах, отражающих разное функциональное назначение и уровень ценности русской печи и грубки в доме сельского жителя, чаще в воспоминаниях о прошлом: *Русская печь была – там и груши пекли, хлеб пекли. А тут грубка была – там такие печурочки были, и туда всё слаживали* (с. Семёновка), *Такая у меня грубка – туды газ подведенный* (х. Дьяконовский), *Грубка – вечером протапливать для таяла* (с. Большая Ивановка).

Та или иная степень проявления признака вербализуется различными суффиксами, семантика которых может быть сопряжена с эмоционально-экспрессивной окраской, сопутствующей интенсивности и характеризующей отношение говорящего к элементам домашнего пространства: *печурка, печурочка, печечка, печёночка, грубочка, пригрубочка, комелёк* от *комель* – «верхняя часть печи, внутри которой проходит дымоход» [24, С. 257], *горнушка* – «небольшая ниша в верхней части русской печи; то же, что *печурка*» [24, С. 118] и др. В текстах записей зафиксированы прилагательные с квантитативным значением, наречия меры и степени, определительные местоимения, выражающие признаки, свойства, функции чего-либо, междометные формы, указывающие на полноту проявления эмоций по поводу чего-либо: *А печь большая, детей много... и это...все тогда залазили на печку* (х. Калачевский), *Ну, она и выручала: вся детвора на печке спали* (пос. Реконструкция), *Бабушка всё пекла в печке* (пос. Реконструкция), *Русская печка? Ну, как те сказать... С кирпича вот так сложена, вот так, а там можно спать – эх, таяло, хорошо, она горячая!* (ст. Преображенская).

Правая сторона дома, или так называемое мужское пространство, имело особое значение у восточных славян [22, С. 117]. Эта традиция просматривается и в настоящее время, что подтверждается в описаниях переднего (красного) угла в казачьем доме: *Икона сверху ж была прибита тама* (х. Дьяконовский), в объяснениях, которые дают украинские переселенцы о том, что такое передний (красный) угол: *В переднем углу иконки и была – треугольник сделанный был, и там стояли то свечки там, то иконочки маленькие там.* – [Передний угол был обязательно?]. – *Да, рушник вышитый* (с. Семёновка). Названная часть домашнего пространства связана с наличием «парадной» комнаты, предназначенной для особых событий в жизни семьи. В ее диалектных обозначениях, отраженных в донских говорах, заключена интенсификация свойства (дополнительное к основному значению лексемы указание на отличительную особенность этой части жилища) и признака (выражение отражение какой-л. приметы данной части дома): *горница* – «лучшая, парадная комната казачьем доме, зал» [24, С. 117], *горенка* – «большая комната для приема гостей; то же, что горница» [24, С. 116].

Для описания особенностей организации домашнего пространства могут использоваться местные названия, принятые в бытовом обиходе жителей определенного населенного пункта: *Вот это у нас там, как-то длинная была – входись, как чулан. Потом стряпуха, потом уж горница. Кладовка в этом чулане, выхода, погребка и выхода... погреб продлённый такой, шейка это называлось* (ст. Трехостровская). Выражение интенсивности отмечается не только с помощью диалектных лексем, но и общеупотребительных и диалектных слов, которые имеют суффиксы со значением уменьшительности: *комнатка, коридорчик, стряпушка* (кухня в доме) и др., атрибутивных сочетаний: *комнаты большие/небольшие* и др. Свидетельством реализации семантики интенсивности может быть использование общеупотребительных языковых единиц, которые своей лексической семантикой указывают на чрезмерность проявления конкретного признака: *толстый, неподъемный* и др., контекстуальных интенсификаторов-усилителей, выраженных определительными местоимениями, наречиями места русского языка и др., например: *От входной двери как все равно полка такая большая – полати называлось. Вот туды загоняли всю детвору. Там тепло наверху, вон там детвора спали* (х. Казаринский) (*полати* – «помещение между потолком и крышей») [24, С. 446].

Дополнительной характеристикой внутреннего домашнего пространства является обозначение элементов его нижней или верхней границы, например: *Полы были, где земляные, <...> а у кого земляные, тогда была мода такая – чтоб полы были один перед одним чище* (х. Калачевский), *Ну, а как же! Были [чердаки, потолки]. Да вот туды выведено, на чердак труба, там назывался боровок. <...> Это боровок лежал на потолке* (ст. Преображенская). В первом контексте интенсивность выражается эксплицитно формой компаратива в составе союзной конструкции *чтоб были чище* и имплицитно устойчивым диалектным оборотом *один перед одним*, в котором квантитативность выступает основным значением, а компаративный смысл является результатом переосмысления конкретной семантики: «стараясь не уступить другому; друг перед другом» [24, С. 377]. Во втором случае степень интенсивности определяется словообразовательным аффиксом диалектной единицы, которая зафиксирована в донских казачьих и хохлацких говорах (*боровок*). Основными ситуациями, которые находят отражение в рассказах информантов, являются «организация внутреннего пространства дома», «обустройство внутреннего пространства дома», «использование внутреннего пространства дома» и др.

Большинство фрагментов, в которых раскрывается микротема «внутреннее убранство дома/жилища», включают единицы, соотносимые с другими темами рассказов диалектоносителей. Применительно к рассматриваемому материалу стоит выделить общеупотребительные разговорные наименования элементов украшения окон: *занавесочки, розочки, цветочки*, элементов убранства комнат дома: *тряпочки, иконочки, одеялочко, крючок* – «небольшой крюк» [26, С. 142], настила пола: *половик* – «узкая длинная полоса грубой ткани, постилаемая на пол; дорожка» [27, С. 265], ср.: в укр. речи *половяний* – «мякинный» [6, С. 672] и др. Например: *А на стенах висели вот эти, палавашик его называли, и тряпочкой занавешено* (х. Калачевский) (диалектные *половочник, палавашик* – «полка для посуды и хлеба») [24, С. 446]. Интенсивность в значениях приведенных лексем определяется семантикой суффиксов либо коннотативным компонентом значения слова. Языковые средства выступают в ситуациях «расположение/размещение предметов внутреннего убранства дома», «изготовление предметов внутреннего убранства дома/жилища» и др.

В микротеме «надворные постройки, их функциональное назначение» интенсивность реализуется при использовании лексических единиц, в структуре значения которых содержится сема интенсивности, как правило, выраженная уменьшительным суффиксом: *беседочка* от *беседка, приделка* – «небольшая комната, ведущая в чулан или на веранду» [24, С. 473]; возможны указания на отличия функционального назначения постройки: *кухонка*, у казаков *летняя кухня* – «постройка во дворе, служащая кухней» [24, С. 290] и др. В некоторых случаях смысл контекста

содержит градационное представление о типе надворного строения по какому-л. сопоставляемому признаку или свойству, например размеру и качественной характеристике сооружения: *«хороший амбар – сарай – загонки небольшие»*: *Может быть, раньше, когда еще только хутор образовался, я знаю, что у нас был амбар. Хороший амбар дед Никита построил, в котором держали зерно... Были, конечно, и сараи, но и загонки были небольшие.* Диалектизм *загонки* – от *загонье* обозначает «отгороженное место, загон» [24, С. 181]. Рассказы донских казаков свидетельствуют, что амбар служил важным признаком социального расслоения представителей этого этноса. Способы выражения интенсивности в текстах подчеркивают эту особенность: *Если на усадьбе стоит один амбар – середняк, два амбара – зажиточный казак, ни одного амбара – бедняк* (р.п. Иловля).

Интенсивность реализуется компонентом семантики диалектного слова. Так, в рассказе носителя украинского (хохлацкого) говора встретилось украинское название *хижін*, обозначение надворной постройки, выполняющей на территории жилища определенную роль. В структуре слова содержится сема, конкретизирующая основное значение по качественно-количественной характеристике и функции. Признак интенсивности эксплицируется в контексте также с помощью семантизации диалектного наименования через общеупотребительное украинское соответствие: *хижін – кимнатка*: *Хижин, як была стара хата, так называлась, хижина была, и были кимнатка, или хижина. В тей хижине стояло зерно, ну, посуда яка* (с. Семёновка) (*хижін, хижина*, от укр. *хижа* – «невелика убога хата») [30, С. 919]. В роли интенсификаторов используются общеупотребительные русские слова и обороты с темпоральной семантикой (*сто лет, сразу*), лексические единицы с семей проявления полноты процессуального признака (*продувать(ся), впитывать(ся), сушиться*); используется прием повтора как специфическая особенность речи диалектоносителей независимо от этнических различий: *Амбар, нашему амбару на сегодняшний день сто лет. Он поднят, стоит на природных камнях. Возможность затопления, возможность влаги, климат у нас, видите, ветреный, поэтому ветерок, сразу всё продувалось, сразу сушилось – всё впитывалось. Почему покрыт тёсом? Потому что дерево: тоже малейшая влага – дерево всё впитывало в себя, ветерок подул – всё сушилось сразу* (р.п. Иловля).

Экспрессия интенсивности значима при описании расположения надворных построек по отношению к основному дому. В этих случаях наблюдаются обстоятельственные уточнители с локативной семантикой, фигуры противопоставления и сопоставления для прояснения назначения сооружения. Примером может служить рассказ донского казака о традиции определения места расположения конюшни для боевого коня: *...Практически в шаговой доступности от куреня, то есть очень рядом они были, поэтому здесь стоял только боевой конь, все остальные лошади были тоже на задах* (р.п. Иловля) (*на задах* в донских диалектах от *зады* – «задняя часть двора или усадьбы») [24, С. 183]. Исследуемый материал позволяет показать, что семантика интенсивности как составляющая значения слова и средство создания экспрессии может выступать репрезентантом этнокомпонента, способствующего этнокультурной идентификации личности в речи носителей донских говоров. Например, при характеристике такой особенности культуры донских казаков, как запрет женской половине семьи входить в какую-либо надворную постройку: *Вообще, баб не пуцали сюда ни под каким предлогом. Это конюшня боевого коня. Только казак заходил кормил, лечил, ковал, что-то делал, ремонтировал, только сам он* (р.п. Иловля). Противопоставление функциональной роли женщины и мужчины в казачьей общине выражается с помощью отрицательных, выделительно-ограничительных конструкций и на основе чрезмерной степени проявления признака.

Семантика интенсивности в рамках рассматриваемой микротемы участвует в моделировании ситуаций «сооружение надворных и хозяйственных построек», «содержание надворных построек», «использование надворных построек» и др.

Микротема «ограждение дома/территории жилища» редко представлена при использовании экспрессивных средств, что может быть связано с ее хозяйственно-практическим содержанием и узко-функциональным применением элементов ограждения для охраны, определения пределов чего-л. и под. В практике славянских народов средства ограждения территории или ее частей не имели такого духовного смысла, как жилые постройки, и лишь в редких случаях могли служить символом защиты [23, С. 521].

В рассказах диалектоносителей встречаются немногочисленные примеры реализации интенсивности при использовании словообразовательных аффиксов: *плетенёк, плетенёчек* – «изгородь из плетенных прутьев, ветвей» [24, С. 423], ср.: русск. *плетень*, укр. *плетінь*; определений-прилагательных: *Вот с этого плетенька начиналось. Вот так зима, что-то же надо же делать! Тогда делали, делали мы, он там большой плетенечек, длинный* (р.п. Иловля). Семантика интенсивности в рамках рассматриваемой микротемы зафиксирована в ситуациях «сооружение ограждений территории жилища или его части», «использование ограждений на территории жилища» и др.

Проанализированный материал, его классификация и интерпретация дают основания говорить о следующих результатах исследования: этнокультурная идентификация личности – носителей донских и украинских говоров может получать лексико-семантическую интерпретацию на основе экспрессии интенсивности, выраженной в значениях языковых единиц и/или элементов окружающего контекста, при описании признаков, свойств и функций реалий традиционной материальной культуры, опосредованно отражающих содержательно-смысловое наполнение темы «Дом. Жилище» как фрагмента лексикона диалектоносителей; выявленные способы и средства выражения интенсивности в рамках детализированных микротем и ситуаций выступают, с одной стороны, маркёрами этноязыковой характеристики представителей русского и хохлацкого населения в диалектной среде общения, а с другой стороны, показывают устойчивость общевосточнославянского ядра обозначений, используемых в практике межъязыкового (междиалектного) взаимодействия населения, и «высвечивают» важную роль русского языка (русской разговорной речи) как своеобразной «скрепы» и основы сохранения знаний о традиционной материальной культуре русского народа.

### Заключение

Определение системных и функциональных свойств языковых единиц как этномаркёров, отражающих специфику речи донских казаков и украинских переселенцев на территориях их смешанного проживания в Волгоградской

области, является важной составляющей этнолингвистического изучения лексикона диалектоносителей. Анализ живой речи, фиксирующей разнонаправленные векторы влияния, связанные как с обогащением тематических парадигм в разных сферах, так и с «угасанием» значимости их отдельных элементов в «жизни» языка в связи с процессами межязыкового (междиалектного) взаимодействия представителей разных этнических групп населения в привычной, обиходно-бытовой среде общения и воздействием литературного стандарта, дает возможность определить константное и переменное в разных сегментах исследуемой лексической подсистемы и в словоупотреблении носителей говоров, контактирующих в едином культурном пространстве региона.

#### Финансирование

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>.

#### Конфликт интересов

Не указан.

#### Рецензия

Все статьи проходят рецензирование. Но рецензент или автор статьи предпочли не публиковать рецензию к этой статье в открытом доступе. Рецензия может быть предоставлена компетентным органам по запросу.

#### Funding

The study is supported by the grant of the Russian Science Foundation № 23-28-01215, <https://rscf.ru/project/23-28-01215/>.

#### Conflict of Interest

None declared.

#### Review

All articles are peer-reviewed. But the reviewer or the author of the article chose not to publish a review of this article in the public domain. The review can be provided to the competent authorities upon request.

### Список литературы / References

1. Баженова Т.Е. Наименования построек в пределах традиционного комплекса крестьянского дома / Т.Е. Баженова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011. — СПб.: Наука, 2011. — С. 394–402.
2. Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01: защ. 2001-12-06; утв. 2001-12-06 / Е.В. Бельская. — Томск, 2001. — 270 с.
3. Брысина Е.В. Лингвокультурное пространство казачьего Подонья / Е.В. Брысина, В.И. Супрун, Е.И. Алещенко — Волгоград: Перемена, 2016. — 358 с.
4. Брысина Е.В. Усадьба и приусадебное хозяйство в лексике донских говоров / Е.В. Брысина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). — СПб.: Наука, 2006. — С. 190–196.
5. Брысина Е.В. Формы и способы выражения категории интенсивности в донских казачьих говорах / Е.В. Брысина // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). — СПб.: Наука, 2008. — С. 453–462.
6. Загнітко А.П. Великий сучасний російсько-український українсько-російський словник / А.П. Загнітко, М.О. Вінтонів, І.Г. Данилюк — Донецьк: ТОВ ВКФ «БАО», 2008. — 752 с.
7. Вендина Т.И. Онтология лингвистической карты / Т.И. Вендина — Санкт-Петербург: Нестор-История, 2023. — 452 с.
8. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сборник статей по языкознанию. Профессору Московского университета академику В.В. Виноградову в день его 60-летия. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. — С. 103–124.
9. Герд А.С. Из материалов по истории межславянских региональных связей / А.С. Герд // Севернорусские говоры. — 2011. — Вып. 13. — С. 178–181.
10. Денисова Л.Н. Этнолингвистическая репрезентация семантического пространства «Жилье» в русских говорах Республики Мордовия / Л.Н. Денисова, А.Ю. Маслова, Т.И. Мочалова // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 420. — С. 29–37. — DOI: 10.17223/15617793/420/4
11. Ильина Е.Н. Описание крестьянского жилища в бобрушинском говоре / Е.Н. Ильина // Вестник Костромского государственного университета. — 2022. — Т. 28, № 1. — С. 143–149. — DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149. — EDN WKLVTK
12. Копчакова С. Роль терминов свадебного обряда в формировании культурной идентичности русинов восточной Словакии: этнолингвистические и эстетические аспекты исследования / С. Копчакова, А. Петрикова // Филологический класс. — 2020. — Т. 25, № 2. — С. 68–79. — DOI: 10.26170/FK20-02-06
13. Королькова М.Д. Наименования сруба и способов соединения бревен: сопоставительный анализ данных Присурского Поволжья и севернорусских говоров / М.Д. Королькова // Севернорусские говоры. — 2017. — Вып. 16. — С. 76–95.
14. Кудряшова Р.И. Новый этап изучения донских говоров Волгоградской области / Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун // Стрежень: научный ежегодник / под ред. М.М. Загорулько. — Волгоград: Издатель, 2006. — Вып. 5. — С. 290–296.
15. Мазур Е.Ю. Проблема соотношения понятий «Идентичность», «Идентификация» и их психологическое содержание / Е.Ю. Мазур // Мир науки, культуры, образования. — 2012. — № 2. — С. 86–90.
16. Неганова Г.Д. Лексика по теме ЛАРНГ «Крестьянское жилище. Хозяйственные постройки. Строительство» / Г. Д. Неганова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2019. — СПб.: Нестор-История, 2019. — С. 658–667.

17. Недоступова Л.В. О некоторых наименованиях частей сельского жилища первой половины XX века (на материале говора Кучеряевки Бутурлиновского района Воронежской области) / Л.В. Недоступова // Лексический атлас русский народных говоров (Материалы и исследования). — СПб.: Нестор-История, 2016. — С. 391–398.
18. Оссовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров / И.А. Оссовецкий — Москва: Наука, 1982. — 199 с.
19. Родионова С.Е. Интенсивность и её место в ряду других семантических категорий / С.Е. Родионова // Славянский Вестник. — 2004. — № 2 — С. 300–313.
20. Рыблова М.А. Культурные заимствования в традиции донских казаков / М.А. Рыблова // Народы и религии Евразии. — 2022. — Т. 27, № 3. — С. 99–112. — DOI: 10.14258/nreur(2022)3-07. — EDN BRGQSB
21. Рыблова М.А. Казачья община как фактор формирования казачьей этничности / М.А. Рыблова, А.В. Когитина // Нижнее Поволжье и Волго-Донское междуречье на перекрестке цивилизаций, культур, исторических альтернатив и природных ландшафтов: сборник научных трудов (г. Волгоград, 01 января — 31 января 2018 г.) / отв. ред. Е.Ю. Болотова. — Волгоград: Бланк, 2018. — С. 94–99. — EDN VNFBJU.
22. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 2 / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М.: Международные отношения, 1999. — 704 с.
23. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. Т. 3 / под общ. ред. Н.И. Толстого. — М.: Международные отношения, 2004. — 704 с.
24. Словарь донских говоров Волгоградской области / авт.-сост. Р.И. Кудряшова, Е.В. Брысина, В.И. Супрун; под ред. проф. Р.И. Кудряшовой. — Волгоград: Издатель, 2011. — 704 с.
25. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1981. — 698 с.
26. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 2 / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1982. — 736 с.
27. Словарь русского языка: в 4 т. Т. 3 / под ред. А.П. Евгеньевой. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Русский язык, 1983. — 752 с.
28. Стародубцева Н.А. Средства выражения интенсивности в речи жителей Кумылженского района Волгоградской области / Н.А. Стародубцева, М.В. Рассахатская // Материалы Научной сессии: сборник материалов Научной сессии института филологии и межкультурной коммуникации Волгоградского государственного университета (г. Волгоград, 18—22 апреля 2022 г.). — Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2022. — С. 386–394. — EDN HXENWW.
29. Супрун В.И. Коренное украинское население Поволжья и Подонья: о появления до перехода в статус скрытого меньшинства / В.И. Супрун // Украинистика в России: история, состояние, тенденции развития: материалы конференции. — К.; М.; Уфа: Изд-во Уфим. филиала МГГУ им. М.А. Шолохова, 2010. — С. 121–126.
30. Сучасний тлумачний словник української мови / за заг. ред. д-ра філол. наук, проф. В.В. Дубічинського. — Харків: ВД «Школа», 2009. — 1008 с.
31. Тимченко А.Г. Семантическое поле «жилище» в русских говорах Красноярского края (лингвокультурологический аспект) / А.Г. Тимченко // Сибирский филологический форум. — 2019. — № 1 (5). — С. 47–60. — DOI: 10.25146/2587-7844-2019-5-1-03
32. Тупикова Н.А. Этнологическая и функциональная специфика лексикона диалектоносителей в пунктах смешанного проживания донских казаков и украинских переселенцев / Н.А. Тупикова // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сборник научных статей, посвящ. юбилею Л.Б. Карпенко, д-ра филол. наук, проф. / отв. ред. Н.А. Илюхина. — Самара: Самарская гуманитарная академия, 2023. — С. 70–76.
33. Хотинец В.Ю. Этническая идентичность и толерантность / В.Ю. Хотинец — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. — 124 с.
34. Этнографическая энциклопедия Волгоградской области / гл. ред. М.А. Рыблова. — Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2017. — 544 с.
35. Яцкевич Л.Г. Словообразовательная категория степени интенсивности признака в русских народных говорах / Л. Г. Яцкевич // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). — СПб.: Нестор-История, 2014. — С. 700–733.

### Список литературы на английском языке / References in English

1. Bazhenova T.E. Naimenovaniya postroek v predelakh traditsionnogo kompleksa krestyanskogo doma [Names of Buildings Within the Lowered Complex of the Peasant House] / T.E. Bazhenova // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)] 2011. — SPb.: Nauka, 2011. — P. 394–402. [in Russian]
2. Belskaya Ye.V. Intensivnost kak kategoriya leksikologii (na materiale govorov Srednego Priobya) [Intensity As a Category of Lexicology (Based on Dialects of the Middle Ob Region)] diss. ... PhD in Philology: 10.02.01: defense of the thesis 2001-12-06: approved 2001-12-06 / Ye.V. Belskaya — Tomsk, 2001. — 270 p. [in Russian]
3. Brysina E.V. Lingvokul'turnoe prostranstvo kazach'ego Podon'ja [Linguistic and Cultural Space of the Cossack Don Region] / E.V. Brysina, V.I. Suprun, E.I. Aleschenko — Volgograd: Peremena, 2016. — 358 p. [in Russian]
4. Brisina Ye.V. Usadba i priusadebnoe khozyaistvo v leksike donskikh govorov [Manor and Household Economy in the Vocabulary of Don Dialects] / Ye.V. Brisina // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. — SPb.: Nauka, 2006. — P. 190–196. [in Russian]
5. Brisina Ye.V. Formy i sposoby virazheniya kategorii intensivnosti v donskikh kazachikh govorakh [Forms and Ways of Expressing the Category of Intensity in Don Cossack Dialects] / Ye.V. Brisina // Leksicheskij atlas russkih narodnyh govorov



(Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. — SPb.: Nauka, 2008. — P. 453–462. [in Russian]

6. Zagnitko A.P. Velikij suchasnij rosijs'ko-ukraïns'kij ukraïns'ko-rosijs'kij slovník [Big Modern Russian-Ukrainian Ukrainian-Russian Dictionary] / A.P. Zagnitko, M.O. Vintoniv, I.G. Daniljuk — Donetsk: TOV VKF «BAO», 2008. — 752 p. [in Ukrainian]

7. Vendina T.I. Ontologija lingvističeskoj karty [Ontology of Linguistic Map] / T.I. Vendina — Sankt-Peterburg: Nestor-Istorija, 2023. — 452 p. [in Russian]

8. Galkina-Fedoruk E.M. Ob ekspressivnosti i emotsionalnosti v yazyke [On Expressiveness and Emotionality in Language] / E.M. Galkina-Fedoruk // Sbornik statej po yazykoznaniju. Professoru Moskovskogo universiteta akademiku V.V. Vinogradovu v den ego 60-letija [Collection of Articles on Linguistics. To the Professor of Moscow University Academician V.V. Vinogradov on the Day of His 60th Birthday]. — Moscow: Moscow University Press, 1958. — P. 103–124. [in Russian]

9. Gerd A.S. Iz materialov po istorii mezhslyavjanskikh regionalnikh svyazej [From Materials on the History of Inter-Slavic Regional Relations] / A.S. Gerd // Severnorusskie govori [Northern Russian Dialects]. — 2011. — Iss. 13. — P. 178–181. [in Russian]

10. Denisova L.N. Etnolingvističeskaya reprezentatsiya semantičeskogo prostranstva «Zhilye» v russkikh govorakh Respubliki Mordoviya [Ethnolinguistic Representation of the Semantic Space “Housing” in the Russian Dialects of the Republic of Mordovia] / L.N. Denisova, A.Yu. Maslova, T.I. Mochalova // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal]. — 2017. — No. 420. — P. 29–37. — DOI: 10.17223/15617793/420/4 [in Russian]

11. Ilina E.N. Opisanie krestyanskogo zhilishča v bobrushinskom govore [Description of a Peasant Dwelling in the Barguzinsky Dialect] / E.N. Ilina // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta [Kostroma State University Journal]. — 2022. — Vol. 28, no. 1. — P. 143–149. — DOI: 10.34216/1998-0817-2022-28-1-143-149. — EDN WKLVTK. [in Russian]

12. Kopchakova S. Rol terminov svadebnogo obryada v formirovanii kulturnoy identičnosti rusinov vostočnoj Slovakii: etnolingvističeskie i esteticheskie aspekty issledovaniya [The Role of Wedding Ceremony Terms in the Formation of the Cultural Identity of the Rusyns of Eastern Slovakia: Ethnolinguistic and Aesthetic Aspects of Research] / S. Kopchakova, A. Petrikova // Filologičeskij klass [Philological Class]. — 2020. — Vol. 25, no. 2. — P. 68–79. — DOI: 10.26170/FK20-02-06. [in Russian]

13. Korolkova M.D. Naimenovaniya sruba i sposobov soedineniya breven: sopostavitelnyy analiz dannykh Prisurskogo Povolzhya i severnorusskikh govorov [Names of Log Cabins and Ways of Connecting Logs: Comparative Analysis of Data From the Amur Volga Region and Northern Russian Dialects] / M.D. Korolkova // Severnorusskie govory [Northern Russian Dialects.]. — 2017. — Iss. 1. — P. 76–95. [in Russian]

14. Kudryashova R.I. Novyy etap izučeniya donskikh govorov Volgogradskoy oblasti [A New Stage in the Study of the Don Dialects of the Volgograd Region] / R.I. Kudryashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun // Strezhen: nauchnyy ezhegodnik [Strezen: Scientific Yearbook] / ed. by M.M. Zagorulko. — Volgograd: Izdatel', 2006. — Iss. 5. — P. 290–296. [in Russian]

15. Mazur E.Yu. Problema sootnosheniya ponyatiy «Identičnost», «Identifikatsiya» i ikh psihologičeskoe sodержanie [The Problem of Correlation of the Concepts of “Identity”, “Identification” and Their Psychological Content] / E.Yu. Mazur // Mir nauki, kultury, obrazovaniya [The World of Science, Culture, Education]. — 2012. — No. 2. — P. 86–90. [in Russian]

16. Neganova G.D. Leksika po teme LARNG «Krestyanskoe zhilishče. Khozyaystvennye postroyki. Stroitelstvo» [Vocabulary on the Topic of the LARNG “Peasant Dwelling. Outbuildings. Construction”] / G.D. Neganova // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2019 [Lexical atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research) 2019]. — SPb.: Nestor-Istorija, 2019. — P. 658–667. [in Russian]

17. Nedostupova L.V. O nekotorykh naimenovaniyakh chastej selskogo zhilisha pervoj poloviny HH veka (na materiale govora Kucheryaevki Buturlinovskogo rajona Voronezhskoy oblasti) [About Some Names of Parts of Rural Housing of the First Half of the Twentieth Century (Based on the Dialect of Kucheryaevka Buturlinovskiy District of the Voronezh Region)] / L.V. Nedostupova // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)]. — SPb.: Nestor-Istorija, 2016. — P. 391–398. [in Russian]

18. Ossovetskij I.A. Leksika sovremennykh russkikh narodnykh govorov [Lexicon of Modern Russian Folk Dialects] / I.A. Ossovetskij — Moskva: Nauka, 1982. — 199 p. [in Russian]

19. Rodionova S.E. Intensivnost i ee mesto v ryadu drugikh semantičeskikh kategoriy [Intensity and Its Place Among Other Semantic Categories] / S.E. Rodionova // Slavyanskiy Vestnik [Slavic Bulletin]. — 2004. — No. 2 — P. 300–313. [in Russian]

20. Ryblova M.A. Kulturnye zaimstvovaniya v traditsii donskikh kazakov [Cultural Borrowings in the Tradition of the Don Cossacks] / M.A. Ryblova // Narody i religii Evrazii [Peoples and Religions of Eurasia]. — 2022. — Vol. 27, no. 3. — P. 99–112. — DOI: 10.14258/nreur(2022)3-07. — EDN BRGQSB. [in Russian]

21. Ryblova M.A. Kazachya obshchina kak faktor formirovaniya kazachyey etnichnosti [Cossack Community As a Factor in The Formation of Cossack Ethnicity] / M.A. Ryblova, A.V. Kogitina // Nizhnee Povolzhye i Volgo-Donskoe mezhdurechye na perekrestke tsivilizatsiy, kultur, istoričeskikh alternativ i prirodnykh landshaftov: sbornik nauchnykh trudov (g. Volgograd, 01 yanvara — 31 yanvara 2018 g.) [Lower Volga and Volga-Don Interfluvium at the Crossroads of Civilizations, Cultures, Historical Alternatives and Natural Landscapes: Collection of Scientific Papers (Volgograd, January 01 — January 31, 2018)] / ed. by E.Yu. Bolotov. — Volgograd: Blank Publ., 2018. — P. 94–99. — EDN VNFBJU. [in Russian]

22. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvističeskij slovar: v 5 t. T. 2 [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 2] / ed. by N.I. Tolstoy. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1999. — 704 p. [in Russian]

23. Slavyanskie drevnosti: Etnolingvističeskij slovar: v 5 t. T. 3 [Slavic Antiquities: An Ethnolinguistic Dictionary: in 5 vols. Vol. 3] / ed. by N.I. Tolstoy. — M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2004. — 704 p. [in Russian]

24. Slovar donskikh govorov Volgogradskoy oblasti [Dictionary of Don Dialects of Volgograd Region] / R.I. Kudryashova, E.V. Brysina, V.I. Suprun. — Volgograd: Publisher, 2011. — 704 p. [in Russian]

25. Slovar russkogo yazyka: v 4 t. T. 1 [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 1] / ed. by A.P. Evgenieva. — 2nd ed., rev. and add. — M.: Russkij yazyk, 1981. — 698 p. [in Russian]
26. Slovar russkogo yazyka: v 4 t. T. 2 [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 2] / ed. by A.P. Evgenieva. — 2nd ed., rev. and add. — M.: Russkij yazyk, 1982. — 736 p. [in Russian]
27. Slovar russkogo yazyka: v 4 t. T. 3 [Dictionary of the Russian Language. In 4 vols. Vol. 3] / ed. by A.P. Evgenieva. — 2nd ed., rev. and add. — M.: Russkij yazyk Publ., 1983. — 752 p. [in Russian]
28. Starodubtseva N.A. Sredstva vyrazheniya intensivnosti v rechi zhiteley Kumylzhenskogo rayona Volgogradskoy oblasti [Means of Expressing Intensity in the Speech of Residents of the Kumylzhensky District of the Volgograd Region] / N.A. Starodubtseva, M.V. Rassakhatskaya // Materialy Nauchnoy sessii: sbornik materialov Nauchnoy sessii instituta filologii i mezhkulturnoy kommunikatsii Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta (g. Volgograd, 18—22 aprelya 2022 g.) [Materials of the Scientific Session: Collection of Materials of the Scientific Session of the Institute of Philology and Intercultural Communication of Volgograd State University (Volgograd, April 18-22, 2022)]. — Volgograd: Volgograd State University, 2022. — P. 386–394. — EDN HXENWW. [in Russian]
29. Suprun V.I. Korennoe ukrainskoe naselenie Povolzhya i Podonya: o poyavleniya do perekhoda v status skrytogo menshinstva [The Indigenous Ukrainian Population of the Volga Region and the Don Region: About the Appearance Before the Transition to the Status of a Hidden Minority] / V.I. Suprun // Ukrainistika v Rossii: istoriya, sostoyanie, tendentsii razvitiya: materialy konferentsii [Ukrainistics in Russia: History, State, Development Trends: conference materials] / ed. by A.A. Skripnik. — K.; M.; Ufa: Ufa Branch of M.A. Sholokhov Moscow State University, 2010. — P. 121–126. [in Russian]
30. Suchasnij tлумachnij slovník ukrainskoj movi [Modern Explanatory Dictionary of the Ukrainian language] / ed. by V.V. Dubichinskij. — Kharkiv: Shkola, 2009. — 1008 p. [in Ukrainian]
31. Timchenko A.G. Semanticheskoe pole «zhilishche» v russkikh govorakh Krasnoyarskogo kraja (lingvokulturologicheskij aspekt) [Semantic Field “Dwelling” in Russian Dialects of the Krasnoyarsk Territory (Linguoculturological Aspect)] / A.G. Timchenko // Sibirskiy filologicheskij forum [Siberian Philological Forum]. — 2019. — No. 1 (5). — P. 47–60. — DOI: 10.25146/2587-7844-2019-5-1-03 [in Russian]
32. Tupikova N.A. Etnoyazykovaya i funktsionalnaya spetsifika leksikona dialektonositeley v punktakh smeshannogo prozhivaniya donskikh kazakov i ukrainskikh pereselentsev [Ethnolanguage and Functional Specificity of the Lexicon of Dialect Speakers in the Places of Mixed Residence of Don Cossacks and Ukrainian Immigrants] / N.A. Tupikova // Aktualnye problemy lingvistiki XXI veka: sbornik nauchnykh statey, posvyashch. yubileyu L.B. Karpenko, d-ra filol. nauk, prof. [Actual Problems of Linguistics of the XXI Century: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the Anniversary of L.B. Karpenko, Doctor of Philology, Professor] / ed. by N.A. Ilyukhin. — Samara: Samara Humanitarian Academy, 2023. — P. 70–76. [in Russian]
33. Hotinets V.Ju. Etnicheskaja identichnost' i tolerantnost' [Ethnic Identity and Tolerance] / V.Ju. Hotinets — Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University, 2002. — 124 p. [in Russian]
34. Etnograficheskaya entsiklopediya Volgogradskoy oblasti [Ethnographic Encyclopedia of the Volgograd Region] / ed. by M.A. Ryblova. — Volgograd: Volgograd State University, 2017. — 544 p. [in Russian]
35. Yatskevich L.G. Slovoobrazovatel'naya kategoriya stepeni intensivnosti priznaka v russkikh narodnykh govorakh [Word-Formation Category of the Degree of Intensity in Russian Folk Dialects] / L.G. Yatskevich // Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) [Lexical Atlas of Russian Vernacular Dialects (Materials and Research)]. — SPb.: Nestor-Istoriya, 2014. — P. 700–733. [in Russian]